

«ЭТИ БЕДНЫЕ СЕЛЕНЬЯ...» Ф. ТЮТЧЕВА В РУССКОМ КАНОНЕ (поэзия и критика 1850–1890-х годов)*

КРИСТИНА САРЫЧЕВА

13 августа 1855 г. по дороге из Москвы в Овстуг Тютчев написал два стихотворения: «Вот от моря и до моря...» [Тютчев: 72] и «Эти бедные селенья...» [Там же: 71], которые, наряду со стихотворением «О вещая душа моя!..» (1855), были опубликованы в шестой книге славянофильского журнала «Русская беседа» за 1857 г. Приведем текст, о котором пойдет речь ниже:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Стихотворение «Эти бедные селенья...» (далее — ЭБС) сразу привлекло внимание первых читателей. Об этом красноречиво свидетельствуют слова И. И. Панаева из письма В. П. Боткину 28 июня 1857 г.: «Это выучивается

* Работа написана в рамках проекта “Vene kirjanduskaanoni kujunemine / Russian Literary Canon Formation” (грант Эстонского научного фонда ETF 8471).

наизусть всеми... Все от этого в восторге — и в самом деле это забирает за сердце» [Панаев: 424]. В случае с ЭБС мы имеем дело с ранней канонизацией лирического текста, тут же становящегося объектом стихотворных пародий, проникающего в чужие тексты в виде цитат и эпиграфов. Для нашей темы существенно и другое: в литературно-критической рецепции ЭБС (или отдельные его фрагменты) очень рано становится модельным текстом, репрезентирующим по принципу *pars pro toto* тютчевскую (и шире — славянофильскую) идеологию и историософию¹. Два этих сюжета — пародийные обращения к ЭБС и цитирование стихотворения в ранних литературно-критических очерках о поэзии Тютчева — составят предмет нашей главы.

Прежде всего обратимся к интерпретации интересующего нас стихотворения². Оно начинается с риторического восклицания, выдвигающего

¹ Исследователи уже обращали внимание на рецепцию интересующего нас текста в русской литературе и критике XIX–XX вв. Так, например, предметом исследования становились пародии А. К. Толстого и А. Н. Майкова; Н. К. Козмин и И. Г. Ямпольский писали об антиславянофильской направленности пародий [Козмин; Ямпольский]. В. Н. Касаткина указывала на несколько стихотворений Т. Шевченко конца 1850-х гг. с реминисценциями из ЭБС [Касаткина].

Исследовательница составила обзор литературно-критических статей, заметок и художественных произведений, в которых упоминается стихотворение Тютчева (комментарии к «Полному собранию сочинений и писем» Ф. И. Тютчева (2002–2004) [Касаткина: 413–423]. Между тем ни сам обзор, ни представленный разными авторами анализ восприятия стихотворения нельзя назвать исчерпывающими.

А. Ф. Монахова в статье «Стихотворение “Эти бедные селенья...” в культурном сознании XX века» дополнила материал, легший в основу комментария Касаткиной. Она соотнесла восприятие ЭБС с идеологией авторов, обращавшихся к стихотворению Тютчева.

² Оно неоднократно становилось предметом научного внимания и закономерно рассматривалось преимущественно в соотнесенности с идеологическими и историософскими взглядами Тютчева.

Ю. М. Лотман в статье «Тютчев и Данте» писал о двух главных историософских мифах, развивающихся в стихотворениях Тютчева: это идея Третьего Рима и прослеживающаяся в ЭБС идея Империи, противопоставленная индивидуалистской, католической Европе. Такой взгляд, по словам Ю. М. Лотмана, восходит к идеям Данте о «надличностном единстве, “спянном” “любовью” и образующем человечество, которое в рамках единой империи складывается в коллективную личность, реализующую высшие потенции человека» [Лотман: 597].

Е. Воропаева в статье «Тютчев и Астольф де Кюстин» [Воропаева] рассматривала ЭБС как полемику Тютчева с суждениями французского публициста о русском народе, высказанными им в книге «Россия в 1839 году». Поэт предпринял попытку опровергнуть его взгляды в статье «Россия и Германия» (1844) и затем в ЭБС. По мнению исследовательницы, русский пейзаж и «селенья», охарактеризованные в стихотворении как «скудные» и «бедные», соответствуют их изображению в книге А. де Кюстина. В образе «иноплеменника», противопоставленного представителю русского народа, в стихотворении, с точки зрения Воропаевой, изображен именно де Кюстин. Мы не считаем утверждение исследовательницы без-

на первый план эпитеты, объединяющие семантику *бедности* с эмоцией *сочувствия, сострадания*.

Во второй строфе метонимически вводится образ представителя другого — «гордого» народа. *Гордость* противопоставляется русскому смирению («Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей *смиренной*»). Рассудочное постижение (ср. глагол «понять») здесь имплицитно противопоставлено сознанию обитателей «бедных селений».

В последней строфе центральным является образ Христа, благословившего русскую землю. Русский народ, с точки зрения автора, так же, как и «Царь небесный», обречен на страдания, которым приписывается некий высший смысл. Постичь сущность русского народа можно, лишь переживая страдания вместе с ним.

В каждой из строф действие развивается в разных временных планах: в первой строфе глаголы отсутствуют, но подразумевается настоящее время, во второй — действие развивается в будущем (означающем здесь невозможность постижения России извне), в третьей представлен перфект, выступающий на фоне двух предыдущих строф как разгадка непостижимости и патент на особую ценность русского пространства.

Грамматической разнородности строф сопутствует и их синтаксическая неоднородность: в первой строфе каждая строка является назывным предложением, и ритмическая структура стихов совпадает с синтаксической, вторая строфа представляет собой сложноподчиненное предложение, третья — простое предложение, осложненное причастным оборотом и обращением.

Первая строфа по своей композиционно-ритмической структуре наиболее связана с песенной традицией. На это указывают и метрика (4-стопный хорей), и лексические повторы («это — это» и «край — край»), и риторическое обращение с инверсивным порядком слов во второй части строфы («Край родной *долготерпенья*, / Край *ты* русского народа»). Отсутствие анжамбманов также характерно для напевного стиха³.

Вторая строфа вводит антиномию «гордый иноплеменник — смиренный русский», переключаясь с фрагментом статьи Тютчева «Россия и революция» (1849)⁴. В ней горделивые и проникнутые революционным духом Франция и Германия противопоставлены России с ее «духом смирения»:

основательным, но образ «иноплеменника» нам кажется более обобщенным. К тому же, обращение к полемике с де Кюстином спустя более десятилетия представляется сомнительным.

³ Заметим, что стихотворение Тютчева было положено на музыку (романс Г. Свиридова).

⁴ Статья «Россия и революция» была переведена на русский язык Ф. И. Тимирязевым в 1873 г. и в том же году опубликована в «Русском архиве». Оригинал см.: [Тютчев: III, 42–54].

В самом деле, не подумает ли каждый, кто услышит наивно богохульственные разглагольствования, ставшие как бы официальным языком нашей эпохи, что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон? Ведь именно подобное призвание торжественно приписали себе созданные ею силы, правда с одной поправкой, которую Революция приберегла для себя, — дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие — принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом. За исключением отмеченных различий, ее господство на самом деле обещает стать Царством Христа. <...>

Германия, бесспорно, — та страна, о которой уже давно складываются самые странные представления. Ее считали страной порядка, потому что она была спокойна, и не хотели замечать жуткой анархии, которая в ней заполняла и опустошала умы.

Шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство — гордыню ума — столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной, как в Германии [Тютчев: III, 145, 148].

В третьей строфе развивается сюжет из русской народной легенды о Христе-страннике, который ходит по русской земле, испытывая людей на праведность и порочность и благословляя праведных.

ЭБС впервые было включено в хрестоматию в 1860 г. Наряду с ним в разных хрестоматиях с начала 1860-х гг. появляются «Весенние воды» (1829/1830), «Весенняя гроза» (1828 – начало 1850-х гг.), «Есть в осени первоначальной...» (1857). Закономерно, что в хрестоматии в основном включаются стихотворения Тютчева, в которых центральное место занимает описание явлений природы. Из политических стихотворений Тютчева в школьные хрестоматии входят наряду с ЭБС «Наполеон» и «Русская география», по частоте вхождений они уступают «пейзажной лирике» Тютчева. Затем стихотворение появляется лишь два раза — уже в новом столетии, сначала в хрестоматии М. Ф. Быстрова «Новейшая русская литература» (1904) [Быстров], затем в хрестоматии Галахова (1912) [Галахов]⁵.

С конца 1850-х по 1920-е гг. ЭБС является одним из самых цитируемых тютчевских текстов в литературно-критических, политических статьях,

⁵ Данные из базы по русским хрестоматиям, составленной А. В. Вдовиным.

дневниках, художественных текстах (ср., например, «Живые мощи» Тургенева (1874), «Дневник писателя» (1877), «Братья Карамазовы» (1881) Достоевского)⁶. Одним из механизмов закрепления стихотворения в русском литературном каноне стали пародии на него «Холод. Грязные селенья...» (1863) Д. Д. Минаева, «Одарив весьма обильно...» (1869) А. К. Толстого и «Эти пьяные селенья...» (1881) А. Н. Майкова.

В нашу задачу не входит составить список всех текстов, в которых цитировалось ЭБС. Предметом рассмотрения станет восприятие стихотворения, смыслы, которыми его наделяют поэты, пародийно его осмыслившие, и литературные критики, и то, какие фрагменты из него актуализируются в разное время.

Видимо, первым из известных нам авторов к ЭБС обратился А. А. Фет — в статье «О стихотворениях Ф. И. Тютчева» («Русское слово», 1859, № 2):

Избирая предметом песни вековечные явления мира внутреннего или внешнего: «луну, мечту, деву», художник не рискует тем, что их не узнают в его произведении. <...> То же можно сказать о событиях и лицах, отодвинувшихся в такую глубину прошлого, что они установились на одной степени неподвижности с горою и полярной звездой. В этом смысле, прелестного стихотворения г. Тютчева:

«Эти бедные селенья,
Эта бедная природа...»

нельзя назвать современным. Оно точно так же было бы современным за две тысячи лет, как, вероятно, и будет еще на неопределенное время. С неустановившимися историческими образами беда самому первоклассному поэту. Положим, что силою волшебного жезла, он остановил движущийся образ и воссоздал изящную его сторону; завтра же, по законам движения, все прелестные линии изломались и возбуждают всеобщее недоверие к добросовестности художника [Фет: 81–82].

Для поэта, видевшего в Тютчеве своего единомышленника, ЭБС стало примером обращения к непреходящим явлениям.

Стихотворение Тютчева, прочитанное Фетом как произведение о вечных явлениях и в то же время изображающее русскую социальную действительность, стало предметом пародии Минаева «Холод. Грязные селенья...» (из цикла «Лирические песни с гражданским отливом», 1863):

⁶ Наряду с ЭБС наиболее цитируемыми в литературной критике 1860–1910-х гг. являются следующие тексты: «Silentium!», «День и ночь», «О чем ты воешь, ветр ночной?..», «Осенний вечер», «Святая ночь на небосклон взошла...», «О, вещая душа моя...», «О, как убийственно мы любим...».

Холод, грязные селенья,
 Лужи и туман,
 Крепостное разрушенье,
 Говор поселян.
 От дворовых нет поклона,
 Шапки набекрень,
 И работника Семена
 Плутовство и лень.
 На полях чужие гуси,
 Дерзость гусенят, —
 Посрамленье, гибель Руси.
 И разврат, разврат!.. [Минаев: 63]

Эта пародия имеет основным объектом стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье ...» (1850): она написана разностопным хореем (4,3), состоит только из именных частей речи и повторяет синтаксическую структуру стихотворения Фета. Минаев пародирует не только стихи Фета, но и его очерки «Из деревни», публиковавшиеся в 1863 г. в «Русском вестнике». На некоторые отсылки к этому тексту в пародии Минаева указали Ямпольский [Ямпольский 1947: 425–426] в комментарии и А. М. Ранчин в статье «“Шепот, робкое дыханье...”: стихотворение в восприятии современников» [Ранчин: 67–68].

Вторая строфа пародии отсылает к описанию случая с Семеном, беспечным работником Фета, который не хотел возвращать помещику долг. Строки «На полях чужие гуси, / Дерзость гусенят» должны были вызвать в памяти читателя фрагмент из четвертого очерка («Гуси с гусенятами»):

Однажды утром, выйдя в молодой сад, где садовник хлопотал около прививков, я увидел на прилегающей к саду пшеничной зелени шесть гусей с целою вереницей гусенят, весело пощипывавших пшеницу и направлявших шествие от Крестов к нам. Надобно было всячески избавиться от подобных посетителей, и садовник, по указанию моему, направил их в восточную канаву, руслом которой все стадо в самое короткое время добралось до пруда в саду. Кликнув мальчика, я поручил ему не выпускать гусей на берег, а садовника послал на Кресты сказать хозяевам гусей, чтоб они немедленно явились за своею собственностью [Фет 1863: 456–457].

В связи с выходом очерков «Из деревни» в «Русском вестнике» (1863) радикально-демократическая критика обвиняла Фета в крепостнических настроениях, и сюжет о Семене и гусях из фетовских очерков вызвал особое негодование критиков.

Наряду с фетовскими текстами Минаев пародирует и ЭБС. И в ЭБС, и в пародии лексема «селенья» находится в первой строке в рифменной позиции и сочетается с эпитетом. Кроме того, в первой строфе стихотворения Минаева отсутствуют глаголы, как и в пародируемых сочинениях Фета и Тютчева.

Как мы видим, Минаев отразил в пародии и одну из характерных черт фетовского синтаксиса — конструкцию «это... это»:

«Эти думы, эти грезы <...> “Эти грезы — наслажденье! / Эти слезы — благодать!”» («Эти думы, эти грезы...», 1847), «Эта скрытая печаль, / Эта внутренняя бедность» («Как идет вам чепчик новый...», 1847), «И это мыслящее око, / И эти детские черты» («Отъезд», 1854), «Не лишай родной земли / Этой девы, этой розы» («Пароход», 1854) [Фет 1979].

Тютчевский текст пародийно переосмысливается и в стихотворении А. К. Толстого «Одарив весьма обильно...» (1869) [Толстой 1963: 197], которому поэт предпослал две первые строки оригинала:

Одарив весьма обильно
Нашу землю, Царь Небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.

Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали —
Нам на то благословенье
Царь Небесный дал едва ли!

Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!

Важно отметить, что пародия Толстого, помимо собственно литературного смысла, наделялась автором автодидактической функцией. Поэт писал М. М. Стасюлевичу 19 февраля 1869 г.:

Если б Вы знали, какой я плохой хозяин! Ничего не понимаю, а вижу, что все идет плохо. Это сознание внушило мне следующий ответ на известное стихотворение Тютчева: «Эти бедные селенья, // Эта скудная природа!..» [Толстой 1912: 327].

В пародии Толстого изображена картина, противоположная той, которую мы видели в ЭБС: русская земля представлена богатой («Одарив весьма обильно / Нашу землю, Царь Небесный / Быть богатою и сильной / Пове-

дел ей повсеместно»). Здесь отсутствует параллель между страдающим Христом и страдающим народом. Бог не благословлял русский народ на страдания («Но чтоб падали селенья, / Чтобы нивы пустовали, / Нам на то благословенье / Царь Небесный дал едва ли»).

Бездействие русских людей Толстой расценивает не как смирение, а как лень — «Мы беспечны, мы ленивы». Толстой, таким образом, переосмысляя стихотворение Тютчева, сохранил ключевые образы: «селенья», «Царь Небесный», «благословенная Россия».

Годом ранее, в 1868 г. А. К. Толстой написал поэму «История государства российского от Гостомысла до Тимашева», в которой в иронической форме изложил свою историософию, исключая смирение как позитивную характеристику русского народа. В поэме в качестве рефрена присутствовали позаимствованные из «Повести временных лет» эпитеты «богатый», «обильный»: «Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет» [Толстой 1963: 384]; «Земля наша обильна, / Порядка в ней лишь нет!» [Там же: 386].

В 1881 г. пародию на тютчевское стихотворение (явно используя опыт пародии Минаева) написал А. Н. Майков («Эти пьяные селенья...»). Она была опубликована в 1922 г. в альманахе Пушкинского дома «Радуга» с примечаниями и пояснениями Н. К. Козмина.

Эти пьяные селенья,
Эта скудная природа,
Целый край без удобрения,
Край ты русского народа.

Не поймет и не оценит
Строгий взор иноплеменный,
Что сквозит и всюду светит
В нагоде твоей презренной.

Облегчив от ноши крестной,
От тебя, страна родная,
Отвернулся ль Царь Небесный,
Горько слезы проливая?

По словам Козмина, стихотворение было записано на обратной стороне листа «с вычислениями, касающимися страхования имущества крестьян и, может быть, вызванными основанием в 1881 г. Страхового Общества “Россия”» [Козмин: 273].

Пародия Майкова построена на замене высоких, религиозных понятий на сниженные. В первой строфе вместо христианской добродетели «долго-

терпенье» поэт использует лексему «удобренья». Во второй строфе Майков заменяет лексему высокого стилистического регистра «тайно» на разговорное и более конкретное «всюду». Характеристика «смиранный» заменена на «презренный». Таким образом, Майков как бы отказывает русскому народу в том сокровенном божественном предназначении, о котором заявлял Тютчев, и опровергает славянофильский миф о русском народе.

Еще при жизни Тютчева к ЭБС в своих литературно-критических и публицистических статьях конца 1850–1860-х гг. обращались И. С. Аксаков и П. И. Бартенев, цитируя наиболее соответствующие славянофильской идеологии фрагменты.

Аксаков в газетной заметке «Москва 27 июля» (1863) цитирует вторую строфу, чтобы подтвердить свою мысль о губительном влиянии немецкой культуры на развитие русского общества:

Так целые десятки лет сношения с Западными Славянами вменялись Русским чуть не в преступление и по доносам Австрии подвергали их преследованиям; так, пренебрегая развитием народных органических сил России, — всем тем, чего

не поймет и не заметит
Чуждый взор иноплеменный, —
Что блестит и тайно светит
В красоте твоей смиренной,

мы из всех сил гонялись за красотой Немецкой, и не духовно-Немецкой только, а преимущественно Немецко-государственной [Аксаков 1863: 4].

П. Бартенев в биографическом очерке о Николае Васильевиче Шеншине, посвятившем свои труды освобождению и улучшению жизни крестьян деятеле, близком кругу славянофилов, процитировал первые две строфы стихотворения. Автор статьи подчеркивает осознание Шеншиным «исторического величия» России, его христианского начала и «великих задатков, которыми Провидение так щедро наделило Русский народ»:

... он <Шеншин> горячо верил в историческое величие нашей родины, жаждал ее духовного освобождения от наплыва чужеземных стихий, и искал спасения в сближении с простым русским народом, во сколько <здесь курсив автора. — К. С.> в этом простонародии сохранилось коренных и вековых начал православной жизни»; «живя в полку в Царском Селе» [Бартенев: 79], «Шеншин сознал себе, что можно и следует жить не для одних чинов и светских успехов, но для своего отечества; что много есть на Руси святого и высокого, но забытого и устраненного, и что долг всеми силами стремиться к осуществлению великих задатков, которыми Провидение так щедро наделило Русский народ» [Там же: 84]; «Он <Шеншин> хорошо сознавал, что без участия верхнего общества,

без просвещения и доброго примера, простой народ, какие бы ни были его природные дарования, не перестанет коснеть в гибельном невежестве. Но к этим явным недостаткам народа он относился не с обидным равнодушием, не с презрительным осуждением, а с теплым состраданием и с горячим желанием оказать помощь [Бартенев: 88].

В некрологической заметке «Воспоминание о Ф. И. Тютчеве» (1873) М. П. Погодин акцентирует внимание на идеологии Тютчева. Он относит поэта «к числу удивительных явлений русской жизни и русской истории», поскольку Тютчев пришел к славянофильской идеологии и к пониманию особой миссии русского народа независимо от славянофилов: Аксакова, Хомякова, самого Погодина и др., живя за границей. Погодин обращается именно к идеологическим стихотворениям Тютчева: «Александру Второму» (1861), «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...», 1867). Философские стихотворения поэта, такие, как «Не то, что мните вы, природа...» и «Наш век», Погодин рассматривает, исходя из противопоставления Тютчева приверженцам позитивизма: «Как верно изобразил Тютчев несчастных наших *представителей позитивной философии!*» [Погодин: 3].

Одной из главных тем поэзии Тютчева Погодин считает «избранность русского народа». ЭБС упоминается здесь вместе со стихотворением «Над этой темною толпой...» (1857): «Вот какие прекрасные, трогательные строки посвятил он *русскому народу*» [Там же].

Названные Погодиным тексты относятся к одному периоду творчества Тютчева и обладают рядом общих черт. В обоих стихотворениях развивается образ страдающего русского народа: ср. «Эти бедные селенья, / Эта скудная природа, / Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа» и «Над этой темною толпой / Непробужденного народа, / Взойдешь ли ты когда, свобода...» [Тютчев: II, 83]. Тема несвободы, рабства развивается в обоих указанных текстах. В ЭБС «рабский» — характеристика облика Царя Небесного, с которым соотнесен образ народа. В стихотворении «Над этой темною толпой...», как и в ЭБС упомянут Христос («риза чистая Христа»), который спасет русский народ. К числу формальных сходств можно отнести риторичность обоих стихотворений (обращение к «краю русского народа» в ЭБС и к «свободе», метонимическое обращение к Богу в третьей строфе стихотворения «Над этой темною толпой...»). Отметим, однако, что во втором стихотворении нет противопоставления русского народа «иноплеменникам».

Ключевые суждения Погодина развил И. С. Аксаков в биографическом очерке «Федор Иванович Тютчев» (1874). Лидер славянофильства, вслед за Погодиным, выдвигает Тютчева как исключительное явление в русской

культуре. Аксаков повторяет погодинский тезис о том, что Тютчев пришел к славянофильству независимо от своих соотечественников. В очерке Аксакова постоянно проводится антитеза «славянофил Тютчев и западники», необходимая для того, чтобы представить поэта истинно русским поэтом и мыслителем. Такое противопоставление было задано уже в заметке Погодина. Аксаков также вслед за Погодиным противопоставляет натурфилософию Тютчева позитивистскому, механистическому отношению к природе.

В то же время Аксаков свою главную задачу усматривал в том, чтобы опровергнуть мнение о Тютчеве-европейце (основанное, конечно, на впечатлениях автора от личного общения с тестем), противопоставить ему образ истинно русского поэта.

К 1870-м гг. закрепилось мнение о том, что Тютчев небрежно относился к своему поэтическому творчеству. Примечательно, что Аксаков объясняет это обстоятельство «врожденной беспечностью и ленью», с одной стороны, и «скромностью и смирением» — с другой:

Но здесь-то и поражает нас своеобразность его <Тютчева> духовной природы. Именно к тщеславию он и был всего менее склонен. Можно сказать, что в тщеславии у Тютчева был органический недостаток [Аксаков: 287].

Говоря о личных качествах Тютчева, биограф проецирует свою характеристику на славянофильский миф о смиренном русском народе. Значение «скромности и смирения» не только как личностного качества, но и как свойства общественной позиции, наглядно в аксаковском противопоставлении Тютчева западнику Чаадаеву:

Десятой доли его сведений и талантов было бы довольно иному для того, чтоб суметь приобрести почести и значение, занять выгодную позицию, стать оракулом и прогреметь, особенно в нашем отечестве. Примером может служить один из современников Тютчева, Чаадаев, страдавший именно избытком того, в чем у Тютчева был недостаток, — человек бесспорно умный и просвещенный, хотя значительно уступавший Тютчеву и в уме и в познаниях, человек, которому отведено даже место в истории нашего общественного развития, который постоянно позировал с немалым успехом в московском обществе и с подобающей важностью принимал поклонение себе как кумиру. Но именно важности никогда не напускал на себя Тютчев [Там же: 295].

Следует отметить, что Аксаков употребляет лексику «смирение» и в другом значении. Речь идет об осознании Тютчевым беспомощности человеческого интеллекта перед некими высшими непознаваемыми явлениями («Преклоняясь умом пред высшими истинами Веры, он возводил

смирение на степень философско-нравственного исторического принципа» [Аксаков: 296]).

Скромность и смирение Тютчева у Аксакова коррелируют с ленью и безразличием к материальным выгодам и с некоторой иррациональностью поведения поэта: «Вообще, это был духовный организм, трудно дающийся пониманию» [Там же]. Соотнесенность смирения с ленью и беспечностью напоминает о пародии Минаева и Толстого («И работника Семена плутовство и лень» и «Мы беспечны, мы ленивы, / Все у нас из рук валится»). В отличие от авторов пародий, Аксаков, однако, не оценивает «лень» и «беспечность» Тютчева однозначно негативно, хотя, в духе времени, и видит их причину в «условиях исторического и бытового строя, давшего ему *первоначальное* воспитание» [Там же].

Таким образом, смирение Тютчева Аксаков трактует как «народное свойство» и как элемент мировоззрения поэта, согласно которому человеческое сознание ограничено по сравнению с «высшими истинами Веры» (противопоставление рационального понимания духовному постижению мира появляется, например, в стихотворениях «Эти бедные селенья...», «Умом Россию не понять...», «Иным достался от природы...») [Там же].

Наконец, ЭБС, наряду с «Теперь тебе не до стихов...» (1854) Аксаков воспринимает как завершающий этап формирования славянофильской идеологии Тютчева. ЭБС Аксаков цитирует полностью, но выделяет в нем вторую строфу, важную в контексте описания русского характера Тютчева.

И для Погодина, и для Аксакова ЭБС стало частью славянофильской идеологии Тютчева. В то же время Погодин акцентирует внимание на теме «благословенности» русского народа, а для Аксакова более актуальным оказывается противопоставление русского другим народам. В связи с этим авторы сопоставляют с ЭБС разные тексты: Погодин — стихотворение о Христе, который спасет русский народ («Над этой темною толпой...»), Аксаков — «Теперь тебе не до стихов...», тем самым подчеркивая противопоставленность русского народа «богохульным умам» и «богомерзким народам». Кроме того, цитатный пласт ЭБС у Аксакова служит для характеристики личности самого поэта.

Многие идеи Аксакова воспринял В. Соловьев, осмыслив их в русле своих философских и историософских взглядов. Так, Соловьев, обращаясь к натурфилософии Тютчева, противопоставил ее механистическому отношению к природе. Подобное противопоставление мы видели и в «Воспоминании о Тютчеве» Погодина, и в очерке Аксакова. В то же время Соловьев расставляет акценты иначе, — в самом начале статьи он пишет:

Превосходное сочинение И. С. Аксакова есть главным образом биография и характеристика личности и славянофильских взглядов поэта. В настоящем очерке я беру поэзию Тютчева по существу, чтобы показать ее внутренний смысл и значение [Соловьев: 736].

В системе взглядов Соловьева идеологические и натурфилософские стихотворения Тютчева объединены категорией «веры», которую автор статьи выдвигает на первый план. Примечательно, что Соловьев рассматривает отношение Тютчева к природе, основываясь на тех же его стихотворениях, что и Аксаков — «День и ночь», «О чем ты воешь, ветер ночной?..», «Святая ночь на небосклон взошла...». По мнению философа, Тютчев был способен верить в духовную основу мира («душу мира»). Христианство в системе взглядов Соловьева является одним из проявлений этого духовного начала. Соловьеву близка идея о христианской природе русского народа, он подчеркивает именно *веру* Тютчева в русский народ и противопоставляет ей (видимо, вслед за Аксаковым) описания скудного пейзажа в стихотворении «Итак, опять увиделся я с вами...»:

Для Тютчева Россия была не столько предметом любви, сколько веры — «в Россию можно только верить». Личные чувства его к родине были очень сложны и многоцветны. Было в них даже некоторое отчуждение, с другой стороны — благоговение к религиозному характеру народа: «всю тебя, земля родная, — в рабском виде Царь Небесный — исходил благословляя» [Там же: 749].

Как мы видим, Соловьев актуализирует третью строфу тютчевского стихотворения, отвергая противопоставление русского другим народам (ср. его замечание о том, что у Тютчева: «...бывали <...> минутные увлечения самым обыкновенным шовинизмом» [Там же]). Шовинизм, по Соловьеву, несовместим с верой: «Эта вера в высокое призвание России возвышает самого поэта над *мелкими и злобными чувствами национального соперничества и грубого торжества победителей*» [Там же: 750].

Однако философ не отрицает «призвания России», которое, с его точки зрения, заключается в объединении всех народов в лоне христианства:

Великое призвание России предписывает ей держаться единства, основанного на духовных началах; не гнилою тяжестью земного оружия должна она облечься, а «чистою ризою Христовою» <цитата из стихотворения «Над этой темною толпой...»>. — К. С. > [Там же: 751].

Следует отметить, что именно образ «чистой ризы Христовой» из указанного стихотворения Тютчева является лейтмотивом в рассуждениях Соловьева о русском народе в рассматриваемой статье.

Описанные нами линии трактовки ЭБС будут продолжены религиозно-философской критикой эпохи символизма (Д. Мережковский, А. Белый, Вяч. Иванов). Существенно, что тютчевский текст, воспринимаемый в 1900–1910-х гг. в русле противопоставления славянофильства и западничества, встраивался и в символистскую мифологию, целью которой было преодоление раскола и в обществе, и русского народа с мировой культурой. Наряду с ЭБС актуализируются и другие стихотворения Тютчева, в которых критики-символисты усматривали противопоставление хаотического и космического начал: «О чем ты воешь, ветр ночной?...» (1836), «Святая ночь на небосклон взошла...» (1850), «Ночное небо так угрюмо...» (1865), «Певучесть есть в морских волнах...» (1865) и др. Важно отметить, что, заявляя о русском народе как носителе духовного начала и по-разному оценивая его исключительность (Мережковский считал это проявлением индивидуализма и изолированности от мировой культуры, тогда как для Белого и Иванова такое противопоставление не было актуальным), литературные критики в 1900–1910-е гг. сближали систему взглядов Тютчева и Достоевского.

Таким образом, активное осмысление ЭБС литературными критиками, публицистами, поэтами приходится на 1860-е гг. В это время происходит закрепление ключевого противопоставления «смирение – гордость», с одной стороны, и образа Христа, благословившего русскую землю, с другой. Процесс канонизации ЭБС в указанное десятилетие важен в контексте формирования литературной репутации Тютчева. В 1860-е гг. поэт был элиминирован из русской литературной иерархии. Однако именно ЭБС сыграло, по-видимому, решающую роль в последующей канонизации Тютчева и повлияло на закрепление его репутации как поэта-славянофила.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков: Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк // Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. М., 1982.

Аксаков 1863: Аксаков И. С. Москва, 27 июля // День. 1863. № 30 (27 июля).

Бартечев: Бартечев П. Биографическое воспоминание о Н. В. Шеншине // Русский архив. 1864. № 1.

Быстров: Быстров М. Ф. Учебная хрестоматия к курсу истории новейшей русской литературы. 1904.

Воропаева: Воропаева Е. Тютчев и Астольф де Кюстин // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 102–115.

- Галахов: *Галахов А. Д.* Русская хрестоматия: В 2 т. 1912. Т. 1.
- Касаткина: *Касаткина В. Н.* Комментарии // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М., 2002–2004.
- Козмин: *Козмин Н. К.* Комментарии к «Этим пьяным селеньям...» А. Н. Майкова // Радуга: Альманах Пушкинского дома. 1922.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Тютчев и Данте. К постановке проблемы // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
- Майков: *Майков А. Н.* Эти пьяные селенья // Радуга: Альманах Пушкинского дома. 1922.
- Минаев: *Минаев Д. Д.* Собрание стихотворений. Л., 1947.
- Минаев 1869: *Минаев Д. Д.* Старая и новая поэзия // Дело. 1869. № 5.
- Монахова: *Монахова А. Ф.* Стихотворение «Эти бедные селенья...» в культурном сознании XX века // Ф. И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия. М., 2006.
- Панаев: Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. М.; Л., 1930.
- Погодин: *Погодин М. П.* Воспоминания о Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. 1989. Кн. 2.
- Ранчин: *Ранчин А. М.* «Шепот, робкое дыханье...»: стихотворение в восприятии современников // Ранчин А. М. Путеводитель по поэзии А. А. Фета. М., 2010.
- Русская лира: Русская лира. Хрестоматия, составленная из произведений новейших поэтов. СПб., 1860.
- Соловьев: *Соловьев В.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 735–752.
- Толстой 1912: М. М. Стасюлевич и его современники в переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 2.
- Толстой 1963: *Толстой А. К.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963. Т. 1.
- Тютчев I–VI: *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М., 2002–2004.
- Фет: *Фет А.* О стихотворениях Ф. И. Тютчева // Русское слово. 1859. № 2.
- Фет 1863: *Фет А.* Из деревни // Русский вестник. 1863. № 1.
- Фет 1979: *Фет А. А.* Вечерние огни. Л., 1979.
- Ямпольский: *Ямпольский И. Г.* Примечания к стихотворениям Д. Д. Минаева // Минаев Д. Д. Собрание стихотворений. Л., 1947.